

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Н. ЗАБОЛТНЕВА

ОДИНОЧЕСТВО

В ретущем городе без имени и отчества
Жило-было глухое Одиночество.
Оно смеялось, вло и работало,
Весь день загруженное разными заботами,
А ночью прячась в уголки укромные,
Пренебрегая сплетнями настроенными,
Оно любило лирику и музыку,
Оно грешило с поэтическою музой,
Оно слыло и добрым, и отзывчивым,
В глазах товарищей его и сослуживцев.
Вокруг считали всяк кому зачтется,
Что нет проблем и бед у Одиночества,
Оно не разделяло этих мнений,
Оно жило в разных почалениях,
Непонятое часто тихо плакало,
Неузнанное от насмешек падало
И вновь вставало с неслабленною прочностью
В людской толпе глухое Одиночество.

Улыбнись, ну улыбнись ты мне. Вот тебѣ
Говорят вокруг, что я—смешной чудак.
Говорят—я по утрам ласку росу
И придерживаю звезды на весу.
А ладони у меня—костры огня,
И не курю—золотые ячменя,
И не ноги—скоростной по траве,
И не песни—бубы солнце на заре.
Голос дудочки-погудочки звенит
У танцующих разнолистных раект,
И сраженные весельем свысока
Засмотрелись в заводь чудо-облака.
Если снажут вам, что я—смешной чудак,
Вы на верьте, вы проверьте этот фент.
Может, чудное чудочество мое
От шального переключает солпьява,
От ликующей дурманящей травы,
От бездонной удивленной синевы.

А вы!

Жизнь сегодняшним романтикам
Сквозом не дерила,
Охи-вздохи дальних маманек
Явно заменила,
Где колдует непогодущка,
В изморози—кедры
Где от силушки-работушки,
Как канаты, нервы.
Только с верою в мозолистых
Да пропахших потом
Пропегла сама напористость
По седым болотам.

Я пройду на заре
По росистым прокусающимся травам
И к пахучей земле
Припаду обмякшим плечом,
Чтоб дотростила мне
Хоть не малость побыть с май на равных,
Поделив на двоих
Круж забот. Что мне надо еще!
Облаке надо мной
Прочесуясь вопиющим виденьем,
Скоростное солнце на миг
Чтоб потом оно жалче лилось.
И покажет мне —
Я одне со временем сотворенья,
Только я да земля
Да вот разве ирреальный дождь,
Что омыл поспешид
Первозданную тишь мелколесья
И немые зрачки
Затаенных таинных озёр.
И поднимет меня
На высоты чарующей песни
Вся оодная земля
Беспредельный зовущий простор.

Ты — моя гроза ливневая,
Сердце земледице вымывала мне,
Память у меня вымывала
На бессознательном
Ты — моя Беда радостная,
Свет в твоём окне сладостно мне,
Не ищу сочувствия жалости,
Хоть до них путь короток.
Улицы топорачные, майские,
Теплые ветра, ласковые,
И твои злые ведальники...
Может ли прогнать тоска?
Ты — мое открытое печальное,
Ты — мое веселье отчаянное,
Будь о мной всегда до скончания,
Раз однажды вышло.

И. КИРИЛЛОВ

А весна пришла незамеченной,
Словно девушка неприметней —
Тополиной в сережках веткою.
С затяжными дождями и ветрами,
Большерукими, неуклюжими,
Как подросток — пятнадцатилетняя
Со своими глобонками думами,
Со своими глубокими проблемами,
Со своими песчаными замками,

Прошлогодними листьями желтыми,
Со своими воздушными сказками
И деревьями, вновь рожденными,
Разноцветными подснежниками,
Переванная дымкой сиреневой —
Становилась наскладная девушка
Все красивее и увербней.
Полотняными плещет расставатами,
Нитью алою шиты закаты.
А вокруг все не тронуту, свежее,
Все нехоженое и несмятое.

В. ЯЦУТА

КОМАНДОР

Три, две, одна минутка...
Пуск!
И в небе новая появится звезда.
Но даже мысли
маленькой боюсь
О том, что мы
расстались навсегда
Мне жребий выпал —
вечно впереди,
И первым выжить
на себя штурвал,
Глазами вырванной
земной зари
Смотреть в избитый
звездный провал.
Я должен первым
ринуться во тьму,
Я — молния. Потом —
уже гроза.
Но я с собой скаваю
звезды пронесу!
Твои земные милые
глаза.
И пусть умолкнут
в звездах
сердца стучи,
Не плачь, родная,
я же командор.
Не нужно слез.
За мной осталость
«Пуск»!
И для Второго
звездный коридор.

ВТОРОЙ

Я был вторым за тем,
который умер,
Который канул в
звездный коридор.
За тем, которого манил
к себе Меркурий,
Который шел к нему и
не дошел.
Я был вторым. Теперь я
буду первым.
И первым брошусь в
пустоты потог.
А в грозный миг
опасности, наверно,
Пошлю радиогамму
в пару строк.
Но все потом. Сейчас
на космодроме
Я улыбаюсь и кричу
в эфире
—Пусть Первый будет
за другие спокою!
Второй на космодроме
заступил.

Н. СОЧИХИН

ВЕСЕННЕЕ

Я кожу по бумовой
С непокрытой головой,
Солнце звято припекает,
Скоро лето, бог ты мой!
Скоро лето. Скоро лето,
Это значит. Это... Это...
Я поеду в город Томск.
Прилечу на самолете
И в деревню сразу.
к тебе,
(К оставной родне
потом).
Я водителю такси:
«Слушай, парень,
подвези!»
У ирядного сельмага
Разпрошусь с шофером я,
Тут как тут детей выатад
Что за дядька? Чья
родня?
Я зайду, куплю им
сласти,
Так как будто обещал.
Знал и сам я эту слабость,
Да никто не угощал.
Мастер мне орет,
аж в краске,
Что он там, в балке
упред?
Тыфу ты, черт, ведь я
без каски.
...Вот и отпущу—
в декабре.

ГЕНИАЛЬНАЯ ИДЕЯ

ЮМОРЕСКА

вадья с Мужскими, кол-
легой по отделу.
— Есть идея!—раздум-
чаво проговорил я, когда
тот по привычке попросил
сигарету.
— Собратьте ча троици!
— просиял Мужкин.
— Тигун тебе на язык
Идея — произвожденная
Почти гениальная!
— Да ну!—он чуть было
на уронил сигарету. — А
асе-таки!
Я оскрип было рот, но
тут смачнул: Мужкин мо-
жет идею присвоить. Она
не запатентованная. Луч-
ше промолчать.
— Не довернешь! —
обиделся коллега.
— С чего ты взял? —
горячо запротестовал я
— Просто идея дозрева-
ет.
Узнав, что у меня есть
идея сокрушительного насто-
рожкили, ведь я и не зна-
ю, чем дело пахнет. Че-

Шеф намекнул, что я,
как человек с идеей, до-
стоин более высокой дол-
жности.
— Хорошо, я точнее
сформулирую мысли, и
мы продолжим разговор!
—И я уединился с незави-
симым видом.
Подумалось, не так уж
плохо иметь собственные
идеи.
Через день меня вызва-
ли к директору треста.
— Говорят, у вас инте-
ресные задумки, — начал
он без обиняков. — Лю-
бопытно, в чем суть?
«Быле не была!» — ре-
шил я и бухнул:—Управле-
ние поре уководить
тресту проше уководить
предприятиями непосред-
ственно. Меньше волокиты,
бумаготорчества. —В
подтверждение привел
выглядки и примеры, со-
слегка на опы доугих от-
раслей индустрии.
— А что, есть рацио-

ребой управивели, обе-
щали есческие блага: кто
японский транзистор, кто
ценка от овчарки-медаль-
кистик, кто хрычки для
консервирования. «Влип!»
—понял я, и тут пришла
действительно гениальная
идея.
— Ладно, выручи!
— Кожа не моем лбу собра-
лась гармошкой.—Есть вы-
ход. Давайте баш на баш:
я меняю свою гениаль-
ную идею на две важных
или на три интересных.
Или, бог с вами, на десять
простых. Согласны?
Все приняла позу дума-
ющего Сократа, а затем
потихоньку начала расхо-
диться. Вскоре я остался
один. И тут заключил: хо-
рошо, что ликвидировали
управление. Разве имеет
право на существование
учреждение, работники
которого не имеют ника-
ких идей, даже самых эле-
ментарных.

ФОТОЭТЮДЫ

А Успенков. «СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР».
А Галушко. «КРЫЛАТАЯ СКОРАЯ».
В. Березина. «ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ».

Эта литературная страничка—плод труда одного из старейших нештатных отделов редакции. Литературный клуб «Северный огонек» был создан десять лет назад и с тех пор регулярно, раз в месяц творчество местных поэтов и прозаиков представляет специальную страничку. Судя по отзывам читателей, она — одна из любимых в газете. Редакция поощряет своих активных помощников — членов клуба с Днем печати и желает им новых творческих успехов.

